

DOI: 10.46698/w5997-7233-2938-o

ЕЩЕ РАЗ О РОДНОМ ЯЗЫКЕ — ФАКТОРЕ ЕДИНСТВА НАЦИИ

Е. Б. Бесолова

В статье предпринята попытка подтверждения связи состояния национального языка и в синхронии, и в диахронии с аспектами его функционирования в образовательном пространстве, а так же с изучением и преподаванием как средствами его сохранения и воссоздания. Приоритетным фактором в деле защиты речи является повышение образовательного и культурного уровня носителей языка, для чего предлагается рассмотреть его как экологическую проблему. В поле зрения постоянно находятся вопросы, связанные с необходимостью искоренения имеющихся в обществе критических явлений в освоении и употреблении национального языка, в соблюдении языковых норм, особенно сейчас, в постперестроечные годы. Язык неотделим от интеллектуального потенциала народа; исчезновение языка — это не только утрата коммуникации, но и всей системы национальных символов, кодов, созданной на протяжении тысячелетий каждым этносом, имеющим полное право интерпретировать мир по-своему; это потеря сокровищницы обычаев, нравов и традиций. Защита языка эффективна при условии личной активности каждого члена сообщества в сохранении его национальной специфики и самобытности, в бережном отношении к языковой преемственности, языковому единству. Одной из основных целей любого этноса является сохранение памяти о себе и передача накопленной информации будущим поколениям, и эту функцию выполняет язык, создающий пространство, в котором осуществляется общение и возникает понимание единства нации.

Ключевые слова: осетинский язык, экология языка, мультикультурная среда, национальная культура, языковая ситуация, межнациональная коммуникация.

Проблемы межнациональных отношений и малочисленных языков, вопросы, связанные с законодательным признанием приоритета родных языков, правовым неравенством между носителями элитных и национальных языков, резко обострились к концу XX века.

Вопросы корреляции социальных параметров и речевых явлений, социального управления языком в сложившихся условиях заслуживают пристального внимания. И это понятно: овладению языковыми нормами, заложенными в языке — факторе национальной общности, должна способствовать как целенаправленная работа, так и языковая интуиция, потому что «имеется близкое соответствие

между языковой моделью и неязыковым поведением» [1; 2].

Формирование речи и ее защита связаны со структурой языка (в том числе — национального), развитием и изменчивостью его литературных норм, с судьбой социальных диалектов, специальных языков в современных сложных общественных условиях. Язык, по единодушному мнению лингвистов, является собственно экологической проблемой, требует бережного отношения, восстановления языкового пространства, заботы о родном языке, «очищения и обогащения» (И. Гете) речи.

Термин «экология» приобретает с середины прошлого века широкую семантику в связи с усилением воздей-

ствия человека на природу, а раздел биологии и социологии отныне удостоивается статуса научной основы рационального природопользования и охраны живых организмов. У термина появляется среди прочих — значение «защита», что расширяет круг объектов, связанных с его понятием. Возникают словосочетания — экология культуры (Д. С. Лихачев); экология языка (Г. В. Степанов); экология религии (О. Хульткранц); экология духа (О. А. Мень) и др.

Связь экологии языка и экологии культуры обусловлена тем, что язык есть условие существования культуры, которая сохраняется и развивается при условии заботы о нем. Это вполне объясняет, почему «проблема восстановления культуры есть, прежде всего, проблема восстановления языкового пространства и его возможностей» [3, 203–204]. Тем более, что «культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают <...>. Само собой разумеется, что содержание языка неразрывно связано с культурой» [4, 193–194], а содержание культуры — с языком.

Под экологией языка понимают «культуру мышления и речевого поведения, воспитание лингвистического вкуса, защиту и «оздоровление» литературного языка, определение путей и способов его обогащения и совершенствования, эстетику и экологию речи» [5, 397]. Экология языка сегодня, когда современные процессы усиленно стирают границы различия между языками и культурами народов, является, думаем, фактором экосбалансированного устойчивого развития языков. По нашему мнению, экология как наука обязана принимать активное участие в формировании государственной

национальной политики, в том числе и на Северном Кавказе. На наш взгляд, защита миноритарных языков и культур входит именно в функции экологии языка, поэтому она обязана разъяснить, что в полиэтническом государстве утверждение единого культурного пространства, функционально требуемое «всеобщим» государственным языком, всегда будет наталкиваться на проблему защиты собственной культуры и собственного языка народами, не доминирующими по численности.

В статье предпринята попытка рассмотреть язык как экологическую проблему; показать, что, повышая образовательный и культурный уровень носителей языка, защищаем речь, потому что, по мнению многих ученых, язык как система не переживает кризиса и в защите не нуждается.

Функционирование национального языка связано, как известно, с его современным состоянием в образовательном пространстве, с изучением и преподаванием как средствами его сохранения и воссоздания. Данное обстоятельство выдвигает на первый план необходимость искоренения имеющихся критических явлений в обществе в освоении и употреблении национального языка, в соблюдении языковых норм, особенно сейчас, «когда культура речевого взаимодействия упала до самой низкой отметки» [6, 5].

Проблема сохранения языка, его чистоты не просто актуальна, а остра и злободневна, потому что проходит она во «время всеобщей инфляции. Инфляции не только денег, но и наград, званий, титулов, и терминов, конечно. Вслед за безграмотными журналистами уже самые образованные люди научились говорить *центр*. Нет, рука уже сама пишет *эпицентр*, хотя эпицентр и центр — это вещи существенно раз-

ные. <...> Таков типичный пример инфляции терминов.

И цивилизация, точнее, термин *цивилизация*, не избежал этой инфляции» [7, 36-37]. Добавим, к сожалению, не избежали этой инфляции и образование, и национальный язык.

В двадцатые годы XX века проф. Г. А. Дзагуров писал, что «...любой язык любого народа составляет один из основных элементов национальной культуры. Каждый язык имеет свои особенности, свои такие способы для выражения человеческой мысли, которых на другом языке нет» [8, 4].

Данное определение родного языка перекликается с высказыванием П. К. Услара: «Сколько бы языкам мы ни выучились, ни один не запечатлется в целом духовном мире нашем так глубоко, как язык *родной*, — язык, которым непосредственно выражается своеобразный склад наших понятий. Это относится до всех народов и до всех языков в мире» [9, 17].

Само понятие «родной язык» определяется в науке неоднозначно: как материнский (*мадалон*), или семейный; как функционально первый язык государства, хотя для большинства людей родной язык связан с принадлежностью к своей национальности, независимо от степени владения им.

Но такие социальные факторы, как отсутствие или ограниченное применение родного языка в управлении, экономике, обороне, внешних связях, массовой коммуникации и др., а также социальные ситуации (образование, работа, городская жизнь, межнациональные браки и др.) содействуют, к сожалению, несовпадению национальной принадлежности человека с языком, признаваемым им родным.

В современной этно- и социолингвистике принято классифицировать

находящиеся в стране народы по *количественному признаку* — числу людей, говорящих на том или ином языке:

многочисленные языки — это те языки, численность носителей которых превышает миллион человек (татарский, башкирский, чувашский, чеченский и др.);

среднечисленные — это те языки, численность носителей которых колеблется от нескольких сотен тысяч до 50 тысяч (адыгейский, осетинский, ингушский, кумыкский, якутский и др.);

малочисленные, или миноритарные — это языки этносов, численность которых не превышает десятков тысяч, а иногда их только сотни человек, т. е. исходит от 50 тысяч до 600 чел. (алтайский, ногойский, абазинский, хакасский, табасаранский и др.). Это — языки национальных меньшинств. К примеру, в Дагестане андийцев около 25 тыс., а гинухцев — всего 700 чел. [10, 30].

Со второй половины XX века исследование особенностей функционирования русского языка и национально-русского двуязычия на Северном Кавказе (в частности Северной Осетии), приобретает особую актуальность вследствие активизации русского языка в сфере межнациональной коммуникации в экономической, политической, социокультурной, образовательной сферах жизни республик. Мы солидарны с проф. Магомедовым М. И. в том, что в прошлом веке сравнительно медленно шло развитие функциональных способностей национальных языков как компонентов билингвизма, а значение русского языка с годами неуклонно возрастало в связи с событиями, происходившими во внеязыковой действительности. В результате — функциональный диспаритет русского и родных языков северокавказских народов

(в их числе — осетин), который в сознании людей, не посвященных в законы социологии языка, социолингвистики и билингвизма, и ряда языковедов «породил иллюзию вытеснения национального языка русским» [10, 4–11].

С этим утверждением нельзя согласиться полностью, потому что русский язык в функции языка межэтнического общения никак не был навязан «сверху»: шло активное приобщение к мировой, европейской и евразийской культуре и цивилизации. Это, думаем, объясняет, почему формирование национально-русского двуязычия нужно воспринимать как востребованное временем, объективным и позитивным явлением в первой половине XX века. Во-вторых, не было условий и требований для овладения этническими русскими языками народов СССР, т. е. «практически никогда не поднимался вопрос о русско-национальном двуязычии» [11, 10]. В-третьих, сближение и слияние наций, т. е. выравнивание социальной структуры по единому образцу, не должно было отразиться на межэтнических отношениях. В конечном счете, это привело к снижению качества и коммуникативного потенциала двуязычия: стало сокращаться количество представителей малочисленных народов, признававших родным язык своего этноса.

В итоге — жизнь показала несостоятельность проводимой языковой политики: она не привела к изменению характера межэтнических отношений и межэтнических границ. Приходится «признать, что в пространстве регулирования языковых процессов есть, помимо языковой политики, еще какие-то процессы, — пишет А. А. Бурыкин, — действие которых оказывается сильнее, нежели «человеческий фактор» языковой политики, или же языковая

политика оказывается на деле сложным и многомерным явлением, в котором целенаправленность и позитивность не являются определяющими характеристиками. Движущие механизмы таких неконструктивных языковых процессов могут быть только *социальными*, поскольку ясно, что динамика социальной эволюции языка не зависит от других (экономических или природных) факторов» [11, 8].

Сужение (свертывание) функций осетинского языка началось уже с новейшего, третьего (с XV века до наших дней) периода истории осетинского языка, к которому восходит коренное его изменение, выразившееся в резком снижении его престижного потенциала; об этом же и наблюдение В. И. Абаева: «В новейший период ареал распространения осетинского языка сузился до нескольких ущелий Центрального Кавказа. <...> В языковом обмене с соседями осетинский уже не играет такой активной роли, как прежде, <...> значение внутренних качеств ничтожно.

Решающими оказываются внеязыковые факторы: культурные, экономические, социальные, демографические, политические, даже чисто военные» [12, 8–9].

Представляется неизбежным в связи с этим обращение к истокам формирования национально-русского двуязычия в Северной Осетии, к объективным факторам приобщения горцев к русскому языку. Аналитический подход требует стремления к преодолению тенденций к однозначной положительной или отрицательной оценке заслуг деятелей русской культуры, изучавших язык и словесную культуру осетин. В то же время однозначно и то, что приобщение осетин к русскому языку, его распространение в Осетии, формирование национально-русско-

го двуязычия были детерминированы социально, экономически, культурно и исторически; объективно востребованы реалиями жизни осетин в новую эпоху, когда они стали гражданами России. Осмысление данной проблемы, правдивое освещение вопросов языковой жизни и уровня развития жизни осетин ко времени присоединения Осетии к России аргументировано в трудах выдающегося сына осетинского народа В.И. Абаева. По мнению ученого, горцы всегда отличались высоким уровнем нравственной культуры и умственного развития; у них была своя, другая цивилизация, отличная от русско-европейской; горцы объективно оценивали распространение грамотности среди них, понимали, что это давало им возможность овладеть началами русской цивилизации. Все, кто занимался исследованием жизни, языка и словесной культуры осетин, были вынуждены признать существование в языках горцев неких универсальных моделей выражения мыслей и чувств, обнаруживавших сходства с развитыми народами, и это объясняет, на наш взгляд, почему русские и европейские ученые-исследователи «заболевали» Северным Кавказом и Осетией в частности.

Нельзя не восхититься предвидением отечественных ученых, первыми заметивших, что «индивидуальность народа обуславливается особенностью его языка и склада понятий, его цивилизации, что язык и цивилизация подчинены неравномерным жизненным законам». Пророческими можно считать слова генерала Услара о том, что международным языком должен быть русский, международной письменностью — русская, при этом Петр Карлович имел в виду то, что *русский язык нельзя считать обычным этническим языком, потому что воплощает*

в себе мировую культуру, европейскую и евразийскую цивилизацию [9, 7].

В рассуждениях многих современных ученых о русском языке наблюдается отсутствие такого понимания феномена русского языка. Современной считаем также мысль П.К. Услара о том, что школа должна быть массовой, и она может быть таковою, если организована на родном языке народа; приведем его высказывание: «*Выучите сначала ученика-горца грамоте на его родном языке, и от нее перейдите к русской*» [9, 25].

Эта педагогическая аксиома не потеряла своей рациональности, особенно актуальна в настоящее время. Известно, что на протяжении десятилетий детей в северокавказских республиках обучали в начальных классах на родном языке, а в старших — на русском, и убедились в том, что альтернативы такой системе не существует.

Идеи отечественных ученых (Вс. Ф. Миллера, П.К. Услара и др.), особенно ценны и сейчас, когда люди, далекие от законов языкознания, предпринимают попытки пересмотра места и роли русского языка в их жизни, следовательно, неадекватно трактуют языковую ситуацию, объективно сложившуюся как в других республиках Северного Кавказа, так и в Осетии.

Для правильного восприятия и осмысления позитивной роли исторической акции вхождения Осетии в состав России и достойной оценки культурного влияния русско-европейской цивилизации на ее культуру большое значение имеет то, что это влияние начало осуществляться в период наивысшего уровня развития русской литературы, ее золотого века.

Мы сейчас можем констатировать, что осетины воспринимали в готовом виде достижения цивилизации, форми-

рование которых в изоляции от внешнего мира на почве горской духовной культуры заняло бы не одно столетие. Думаем, что для объективного освещения закономерностей развития современной языковой жизни осетинского народа необходимо иметь полное представление об истории русско-осетинских отношений, воспринимать, осмысливать и преподносить русский язык и его цивилизующее влияние на духовную сферу жизни осетин в широком контексте воплощенных в русском языке и русской литературе общечеловеческих нравственно-этических и эстетических ценностей. Об этом интересно высказался проф. М. И. Магомедов: «Нельзя относиться к русскому языку как к языку, *этнический фактор* которого является его всеобъемлющей и исчерпывающей характеристикой. Он давно уже перерос рамки этнокреативной сущности, в то же время прочно сохранил статус родного языка, — что является одной из социолингвистических характеристик русского языка» [10, 11].

Известно, что факторами, способствующими сохранению и развитию родного языка, являются компактное проживание носителей языка, малая их миграция, жизнь в сельской местности, по возможности — однонациональные браки, личная активность каждого носителя языка в деле защиты родного языка.

В конце XX века и в постперестроечный период нарастает уход с первоначальных мест проживания; язык и культура народа приходят к состоянию полного упадка; жизнь претерпевает радикальные изменения: разрушаются традиционные отрасли сельского хозяйства, ремесленничества; значительно сокращается сфера обслуживания. Трудоспособное насе-

ление уезжает, наблюдается рассеянное проживание; возрастает удельный вес смешанных браков; утрачивается родной язык, и как следствие — этническое сознание. Молодежь владеет языком хуже: дети с детства двуязычны, а некоторые — трехязычны, ведь в повседневной жизни мы пользуемся в основном русским языком. В постперестроечные годы наблюдается пагубное влияние переселения и миграционных процессов, что означает утрату такой функции языка, как моделирование специфической для национального языка картины мира. И это — результат отрыва от традиционной среды существования.

В то же время отмечаем, что негативные процессы в этнокультурной и языковой ситуации никак не проявились в межэтнических отношениях: в Северной Осетии не наблюдаются тенденции этноцентризма, этноэгоизма, этнонигилизма, этноизоляции и национального фанатизма в национальной политике. Коррелирующим признаком у представителей всех проживающих и контактирующих на ее территории является *позитивная этническая идентичность*.

Без этнической среды общения, однозначно, невозможно формировать национальную речевую деятельность на высоком уровне. Поясним.

Известно, что язык — «зеркало того общества, в котором он функционирует», отсутствие речевой культуры или же низкая речевая культура является показателем его невысокой общей культуры. На память приходят слова поборника родного языка К. И. Чуковского: «Орфографию невозможно улучшить в отрыве от общей культуры. Орфография обычно хромает у тех, кто духовно безграмотен, у кого недоразвитая и скудная психика. Ликвидируйте эту

безграмотность, и все остальное приложится» [13, 148].

Принято говорить о трех главных источниках и регуляторах творческой деятельности и жизни языка. Это 1) школа, 2) лингвистическая наука и 3) художественная литература в ее лучших образцах. Чтобы не засориться, не обмелеть, эти источники требуют к себе повышенного внимания со стороны общества и государства.

Как заметил Т. Т. Камболов, уже «в первой половине XIX века <...> полнота функций осетинского языка, абсолютная в рамках осетинского сообщества, была значительно уже полифункциональности русского языка в русской общине» [14, 23]. Осетинский язык использовался в семейной, общинной и внутринациональной сфере общения, религиозного культа, традиционной культуры и устного фольклора.

С середины XIX века расширяется сеть школ, увеличивается число осетин, получивших образование в русских школах, а также освоивших его во время службы в русской армии. Социальная история осетинского языка, как и большинства языков нацменьшинств, пример определенной имперской русификаторской языковой политики и тактики.

Но в послереволюционные годы языковая ситуация меняется: начинается практическая коренизация школ на Северном Кавказе, усиливается работа по их «осетинизации», и уже к тридцатым годам XX века на родном языке шло обучение детей с 1-го по 4-ый классы. Таким образом, 1–4 классы обучались на родном языке, в 5–7 классах все преподавание (кроме русского и иностранного языков) должно было идти на осетинском, но не везде это соблюдалось из-за нехватки учителей-националов и недостатка учеб-

ников физики и химии. В 8–10 классах все предметы, кроме осетинского языка и литературы, а также иностранного языка преподавались на русском языке [14, 32].

Все изменилось в начале 50-х годов XX века: зафиксирован переход осетинских школ на русский язык обучения, и уже с 1953–1954 учебного года все школы Осетии работали на русском языке, начиная с 5-го класса.

К этому же времени относится отказ от делопроизводства на осетинском языке и его вытеснение из государственной сферы, выведение осетинского языка из средней школы, невозможность получения высшего образования на родном языке — одним словом, происходит сужение социальной базы и, соответственно, социального престижа осетинского языка. Этот период характеризуется, заключает Т. Т. Камболов, неуклонным сокращением числа осетинских школ, ростом национального нигилизма в осетинской среде [14, 34].

Думаем, что сложившаяся языковая ситуация характерна почти для всех северокавказских республик, и воспринимать ее надо как результат многолетней языковой асимметрии на государственном и региональном уровнях.

Заметим, что в Республике Северная Осетия-Алания города (Владикавказ, Моздок), некоторые станицы (Архонская и др.) и села разнятся между собой культурной средой. Этот сложившийся существенный факт необходимо учитывать, потому что нельзя «игнорировать ту культурную среду, внутри которой существует данный этнос и порождением которой он является» [13, 56]. Проиллюстрируем.

По переписи населения 2010 года этническая и языковая картина города Владикавказ — мозаичная, многоязычная.

К примеру, во Владикавказе проживает 330148 чел. Среди них:

осетин — 210104 чел, или 63,9%;

русских — 80945 чел., или 24,5%;

армян — 11697 чел., или 3,5%; грузин — 7014 чел., или 2,2%; ингушей — 3225 чел., или 1,1%; азербайджанцев — 2212 чел., или 0,7%; украинцев — 1857 чел., 0, 6%; греков — 1819 чел., или 0,5% и др.

В графу «*другие*» вошли кабардинцы, чеченцы, немцы, поляки, корейцы, цыгане, татары, кумыки, евреи, ногайцы, лезгины, аварцы, белорусы, лакцы и пр., — общим числом 11275 чел., или 3,4% [15].

Толерантность, неповторимая и удивительная, имманентно присущая осетинам к представителям других национальностей, проживающим во Владикавказе, веротерпимость и взаимное уважение, значительное количество межнациональных браков играют положительную роль в стабилизации сообществ в республике. И здесь, как и везде, происходит активизация внутреннего заимствования, и этот процесс поддерживается и электронными, и печатными средствами массовой информации, которые в современных условиях все больше ориентируются на разговорность и диалогичность. Реальные языки города — русский (в основном) и осетинский, а также разговорная речь разных социальных групп городского населения оказывают непосредственное влияние на нормативные литературные языки (русский и осетинский) и на язык СМИ.

Население, проживающее во Владикавказе, принадлежит к разным языковым семьям: иранской, кавказской, тюркской, индоевропейской. Многонациональный городской состав породил *мультикультурную среду*, а культура — это, прежде всего, «система потреб-

ностей, и чем выше эти потребности, тем выше ответственность за их реализацию и развитие культуры» [16, 134].

Заметим, что *многоязычное население города* — один из главных факторов снижения функций национального языка (в частности, осетинского); оно и привело к повышению функций русского как языка межнационального общения.

Но, думаем, нет оснований для беспокойства, а несмолкающие призывы к спасению национального языка «исходят из неверия в его жизнеспособность, а это ни в коей мере не следует из истории языка и оценки его потенциала» [17,120]. Как писал П. К. Услар, «утрата индивидуальности как для отдельного человека, так и для целого народа равномерна смерти. <...> Язык живет целые тысячелетия при самых даже неблагоприятных условиях для его жизни» [9, 2].

Итак, анализ сложившейся языковой ситуации подвел к мысли, что из всех причин исчезновения языков в настоящем характерны, к сожалению, следующие:

1) родители перестают общаться с детьми на родном языке;

2) у части носителей наблюдается презрение к собственному языку;

3) старшее и среднее поколения перестают передавать язык и традиционную культуру младшему поколению.

Из перечисленного исходит, что спасение не в создании нового общества носителей национального языка, а в формировании в каждом из нас истинного уважения к родному слову, самому языку, его освоению и употреблению, в создании необходимых условий для сохранения и развития этнической специфики родного языка.

Как тут не обратиться к мудрым работам В. И. Абаева, по мнению кото-

рого, «за время языкового строительства в Осетии достаточно четко определилось оптимальное разделение сфер функционирования русского языка, с одной стороны, и родного, с другой. Нужно, чтобы позиции каждого языка в его сфере не размывались, не ослаблялись, а укреплялись. *Не нужно пытаться искусственно внедрять родной язык там, где, как показал исторический опыт, разумнее и целесообразнее во всех отношениях пользоваться русским языком.*

С другой стороны, нельзя допускать и того, чтобы родной язык нес потери в тех сферах, которые именно он призван обслуживать. Важнейшей такой сферой является родной дом, семья. Ничто не может внушить такую тревогу за судьбу родного языка, как ослабление его позиций в семейном быту: если дети с молоком матери не усваивают родной язык и не пользуются им дома, то язык можно считать обреченным. Ни школа, ни печать, ни радио, ни телевидение, ничто уже не поможет. Дерево рушится, если подсесть его корни в земле. Язык погибнет, если подсесть его корни в семье. Вот почему для каждого должно быть законом: хранить и беречь родной язык в семье» (курсив наш. — Е. Б.) [18, 295–296].

Об этом же и интервью директора Института языкознания РАН, представителя попечительского совета Фонда сохранения и изучения родных языков народов РФ, доктора филологических наук А. А. Кибрика относительно того, как и почему исчезают языки, как их сохраняют, и о том, почему школа не может быть инструментом их спасения [19]. Он тоже считает, что язык исчезает тогда, когда люди определенной этнической группы перестают пользоваться своим языком — существенной частью идентичности. Причина в том,

что родители в какой-то момент перестали родной язык передавать своим детям. Мысли интересные, как и предлагаемый выход: использовать так «называемую *методику языковых гнезд* — это что-то типа детского сада или даже яслей, в которых бабушки или дедушки общаются с детьми, которые по возрасту являются их внуками», ибо «школьный класс — это не то место, где можно возродить исчезающий язык» [19].

Считается, что и принятый в 2018 году Закон «Об образовании в Российской Федерации» (с поправками, внесенными тем же летом), не обеспечивает поддержку национальных языков и не дает ясного представления о современной российской *системной* языковой политике. Думаем, что здесь к месту будут предложения акад. РАН Г. Г. Гамзатова о максимально разумном, внимательном и справедливом учете языковых потребностей каждого из этносов, без попытки выстраивания их по ранжиру и табели о рангах. Не предпочтения одного перед другим, а свободное владение обеими языковыми стихиями и равноправное пользование ими в социальной практике <...>. Недооценка любого из языков сопряжена с невосполнимыми издержками духовного развития общества в целом [20, 14].

Люди обязаны знать, что язык не отделим от интеллектуального потенциала народа, исчезновение языка — это не только утрата коммуникации, но и системы национальных символов, кодов, созданной на протяжении тысячелетий каждым этносом, имеющим полное право интерпретировать мир по-своему, это сокровищница обычаев, нравов и традиций. Каждый должен помнить, что защита языка эффективна при условии личной его активности.

Усилия сообщества должны быть направлены на сохранение этнического и языкового паритета, на совершенствование функциональной деятельности родного языка и повышение культуры речи осетин. Надо сделать все, чтобы в условиях национально-русского двуязычия не только сохранялись, обогащались и развивались, но и надежно защищались как осетинский, русский, так языки всех тех народов, которые проживают в Республике Северная Осетия-Алания.

Вместе с этим представляется актуальным, согласно заявленной теме, обозначить в последующем рассмотрение ряда вопросов.

На наш взгляд, первостепенны такие проблемы, как численность и удельный вес титульной нации в республике на предмет определения количества истинно владеющих своим национальным языком, выявления объективного числа носителей различных языков. Но в некоторых случаях эти данные могут быть относительными, так как социальные и политические интересы порою могут сыграть свою роль и привести к ложным ответам, поэтому, полагаем, выявление истинного количества носителей языка необходимо осуществлять силами лингвистов, разграничивая политические и научные аспекты.

На наш взгляд, главное — определить роль государства и общественных организаций в деле защиты национального языка, а также роль лингвистов, способных оказать серьезное влияние на решение этой проблемы, уточнить приоритеты в исследовании малочис-

ленных языков, направленные на их сохранение, используя и традиционный опыт.

Надеемся, что новый Закон о языке внесет ясность в решение вопроса о необходимости изучения национального языка. Без обязательного изучения всех государственных языков субъектов Российской Федерации, имеющих относительно равноправный статус, невозможно выстроить перспективную языковую политику, направленную на сохранение национальных языков и изменение их функционального статуса, а также преодолеть пережитки прежней. Ясно одно: знать родной язык, владеть родной речью и грамотно говорить — обязанность каждого, а «без национальной школы, хорошо поставленной на научную основу, нам нельзя существовать...» [21, 14].

В современной ситуации информация, заметим, не всегда достоверна: она носит формально-статистический характер, а не научный, и определяется по национальной принадлежности, а не по владению языком.

Социальный, экономический, политический, демографический, языковой запрет, образовательный ряд причин, существующих в настоящее время, можно было бы дополнить [22; 23]. Средства массовой информации, особенно телевидение — этот «культурный» нервнопаралитический газ, оружие для уничтожения малочисленных языков, — приводят их также к настоящему уровню смертности [24, 27-36].

Но это уже тема следующей статьи.

1. Хаймс Д. Х. Этнография речи // Новое в лингвистике. Социолингвистика. 1975. Вып. VII. С. 42-95.
2. Хаймс Д. Х. Два типа лингвистической относительности // Новое в лингвистике. Социолингвистика. 1975. Вып. VII. С. 19-28.
3. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию... М., 1990.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва, 1993.
5. Хроленко А. Т., Бондалетов В. Д. Теория языка: Учебное пособие. М., 2004.
6. Комлев Н. Доведет ли язык до Киева? Судьба языкового и общественного союза // Книжное обозрение. 1998. № 35. С. 9.
7. Арутюнов С. А. Сад цивилизаций // Культурное наследие народов Кавказа/отв. ред. Ю. Д. Анчабадзе. М.; СПб., 2014. С. 33-50.
8. Дзагуров Г. А. Программа для собирания материалов по осетинскому языку и устному народному творчеству народной словесности. Владикавказ, 1926.
9. Услар П. К. О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. 1870. Вып. III. С. 1-30.
10. Магомедов М. И. Русский язык в многоязычном Дагестане: Функциональная характеристика. М., 2010.
11. Бурыкин А. А. Актуальные проблемы социолингвистики: учеб. пособие. Якутск, 2007.
12. Абаев В. И. Значение ареальных контактов в истории языка // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. С. 5-9.
13. Чуковский К. И. Дневник (1918-1923) // Новый мир. 1990. № 7. С. 140-177.
14. Камболов Т. Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы. Владикавказ, 2002.
15. Национальный состав населения Республики Северная Осетия-Алания (по данным Всесоюзной переписи населения 2010 г.) [сайт]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/220747/>
16. Черчесов А. Г. «Земля величиной с почтовую марку» в контексте «глобальной деревни» // Вестник Института цивилизации. 1998. Вып. 1. С. 129-137.
17. Литвин Ф. А. Почему шум? (Действительно ли русский язык нуждается сегодня в срочных мерах по спасению) // Язык и коммуникация: изучение и обучение. 1998. Вып. 2. С. 114-120.
18. Абаев В. И. За родную речь // Избранные труды. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995. Т. 2. С. 294-296.
19. Коммерсант. 21.03.2019.
20. Гамзатов Г. Г. Предисловие к книге «Дагестанские языки». М., 2000.
21. Абайты Васо: 100 азы. Фыдазты (Стенограммæ æмæ уац) // Мах дуг. 2000. № 11. Ф. 12-64.
22. Габуниа З., Гусман Тирадо Р. Малочисленные языки в третьем тысячелетии и процессы глобализации. Владикавказ, 2010.
23. Халидов А. И. Языки и народы Кавказа: вопросы истории и типологии, социо-, этно- и эколингвистики. Махачкала, 2019.
24. Краус Й. К общим проблемам социолингвистики // Вопросы языкознания. 1974. № 4. С. 27-36.

Besolova, Elena B. — V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); elenabesolova@mail.ru

ONCE MORE ABOUT THE NATIVE LANGUAGE AS A FACTOR OF NATIONAL UNITY.

Keywords: Ossetian language, linguistic ecology, multicultural environment, national culture, language situation, interethnic communication.

The article attempts to show that the current state of the national language and in synchrony and diachronic aspects related to its functioning in the educational space, with the study and teaching as a means of preservation and recreation. The author believes that a priority in the protection of speech is to improve the educational and cultural level of its speakers, which is invited to consider language as an environmental problem. In the field of view are always issues related to the need to eliminate existing critical phenomena in society to the development and use of the national language, to comply with the rules of language, especially now, in the post-perestroika years. Language is inseparable from the intellectual potential of the nation; the disappearance of the language is not only a loss of communication, but also of the entire system of national symbols, codes, created over the millennia by each ethnic group that has every right to interpret the world in its own way; it is the loss of a treasury of customs, mores and traditions. Language protection is effective provided that each member of the community is personally active. The main task of the ecology of the language is to preserve its national specificity and identity, in a careful attitude to linguistic continuity, linguistic unity. One of the main goals of any ethnic group is to preserve the memory of itself and transmit the accumulated information to future generations, and this function is performed by the language, because it creates a space in which communication takes place and an understanding of the unity of the nation arises.

REFERENCES

1. Khaims, D. Kh. *Etnografiya rechi* [Ethnography of speech]. *Novoe v lingvistike. Sotciolingvistika* [New in linguistics. Sociolinguistics]. 1975, vol. VII, pp. 42-95.
2. Khaims, D. Kh. *Dva tipa lingvisticheskoi otnosite»lnosti* [Two types of linguistic relativity]. *Novoe v lingvistike. Sotciolingvistika* [New in linguistics. Sociolinguistics]. 1975, vol. VII, pp. 19-28.
3. Mamardashvili, M. K. *Kak ya ponimayu filosofiyu...* [As I understand the philosophy]. Moscow, Progress, 1990. 368 p.
4. Sapir, E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul»turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Moscow, Progress, 1993. 656 p.
5. Khrolenko, A. T., Bondaletov, V. D. *Teoriya yazyka: Uchebnoe posobie* [Language Theory: Study Guide]. Moscow, Flinta, Nauka, 2004. 512 p.
6. Komlev, N. *Dovedet li yazyk do Kieva? Sud»ba yazykovogo i obshchestvennogo soyuza* [Will the language reach Kiev? The fate of the linguistic and social union]. *Knizhnoe obozrenie* [Book Review]. 1998, no. 35, pp. 9.
7. Arutyunov, S. A. *Sad tsivilizatsii* [Garden of Civilizations]. *Kul»turnoe nasledie narodov Kavkaza* [Cultural Heritage of the Peoples of the Caucasus. Publication editor Yu. D. Anchabadze]. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2014, pp. 33-50.
8. Dzagurov, G. A. *Programma dlya sobiraniya materialov po osetinskomu yazyku i ustnomu narodnomu tvorchestvu narodnoi slovesnosti* [The program for collecting materials on the Ossetian language and oral folk art of folk literature]. Vladikavkaz, 1926. 10 p.
9. Uslar, P. K. *O rasprostranenii gramotnosti mezhdu gortsami* [On the spread of literacy between highlanders]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of information about Caucasian highlanders]. 1870, iss. III, pp. 1-30.

10. Magomedov, M. I. *Russkii yazyk v mnogoyazychnom Dagestane: Funktsionalnaya kharakteristika* [Russian language in multilingual Dagestan: Functional characteristic]. Moscow, Nauka, 2010. 182 p.
11. Burykin, A. A. *Aktualnye problemy sotsiolingvistiki: ucheb. posobie* [Actual problems of sociolinguistics: Study Guide]. Yakutsk, Institute for Humanitarian Studies of the Republic of Sakha (Yakutia) Academy of Sciences, 2007. 76 p.
12. Abaev, V. I. *Znachenie arealnykh kontaktov v istorii yazyka* [The value of areal contacts in the history of the language]. *Materialy pyatoi regionalnoi nauchnoi sessii po istoriko-sravnitel'nomu izucheniyu iberijsko-kavkazskikh yazykov* [Materials of the fifth regional scientific session on the historical and comparative study of the Iberian-Caucasian languages]. Ordzhonikidze, 1977, pp. 5-9.
13. Chukovsky, K. I. *Dnevnik (1918-1923)* [Diary (1918-1923)]. *Novyi mir* [New World]. 1990, no. 7, pp. 140-177.
14. Kambolov, T. T. *Yazykovaia situatsiya i yazykovaia politika v Severnoi Osetii: istoriya, sovremennost, perspektivy* [The language situation and language policy in North Ossetia: history, modernity, prospects]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2002. 287 p.
15. *Natsionalnyi sostav naseleniya Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya (po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 2010 g.)* [The national composition of the population of the Republic of North Ossetia-Alania (according to the 2010 All-Union Population Census)] [Web-site]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/220747/>
16. Cherchesov, A. G. «*Zemlya velichinoi s pochtovyu marku*» v kontekste «*globalnoi derevni*» [«Land the size of a postage stamp» in the context of a «global village»]. *Vestnik Instituta tsivilizatsii* [Bulletin of the Institute of Civilization]. 1998, iss. 1, pp. 129-137.
17. Litvin, F. A. *Pochemu shum? (Deistvitel'no li russkii yazyk nuzhdaetsya segodnya v srochnykh merakh po spaseniyu)* [For what reason the noise? (Does the Russian language really need urgent rescue measures today)]. *Yazyk i kommunikatsiya: izuchenie i obuchenie* [Language and Communication: Learning and Education]. 1998, iss. 2, pp. 114-120.
18. Abaev, V. I. *Za rodnuyu rech* [For native language]. *Izbrannye trudy. Obshchee i sravnitel'noe yazykoznanie* [Selected Works. General and comparative linguistics]. Vladikavkaz, Ir, 1995, vol. 2, pp. 294-296.
19. *Kommersant* [The Merchant]. 21.03.2019.
20. Gamzatov, G. G. *Predislovie k knige «Yazyki Dagestana»* [Preface to the book «Dagestan languages»]. Moscow, 2000. 553 p.
21. *Abaity Vaso: 100 azy. Fydazty (Stenogrammæ æmæ uats)* [Centenary of Vaso Abaev. Hard times (Shorthand notes and article)]. *Makh dug* [Our era]. 2000, no. 11, pp. 12-64.
22. Gabunia, Z., Gusman, Tirado R. *Malochislennye iazyki v tret'em tysyacheletii i protsessy globalizatsii* [Small languages in the third millennium and globalization processes]. Vladikavkaz, V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2010. 589 p.
23. Khalidov, A. I. *Yazyki i narody Kavkaza: voprosy istorii i tipologii, sotsio-, etno- i ekolingvistiki* [Languages and peoples of the Caucasus: issues of history and typology, socio-, ethno- and ecolinguistics]. Makhachkala, ALEF, 2019. 628 p.
24. Kraus, I. *K obshchim problemam sotsiolingvistiki* [On the general problems of sociolinguistics]. *Voprosy iazykoznaniiya* [Problems of Linguistics]. 1974, no. 4, pp. 27-36.